

Р. М. ЛАЗАРЧУК

ПРОЗА РАДИЩЕВА И ТРАДИЦИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

Во второй половине XVIII в. развитие жанров все чаще определяется не только их внутренними ресурсами, но и вторжением в литературу явлений внехудожественных. Порожденный бытом и в то же время оторвавшийся от него, документ активно вмешивается в литературный процесс, направляя и ускоряя его, преобразовывая традиционную жанровую систему и создавая новые формы. Именно такую художественно-революционную роль сыграло во второй половине XVIII в. дружеское письмо.¹ Его воздействие на литературу проявляется прежде всего в возрастании значимости эпистолярного жанра, обнаружившего и вынесшего в большое искусство результаты длительных процессов, протекавших скрыто, совершавшихся подспудно. Так, «Письма русского путешественника» Карамзина возвели в литературный принцип добытые частным письмом непринужденность интонаций, свободу и естественность разговора; они «воспроизвели» не только стилистику дружеского письма, его структуру, но и столь свойственное эпистолярному жанру ощущение личности его творца, индивидуальность восприятия и осмысления действительности. Они узаконили письмо как литературный жанр, органическую форму прозы, вместившую в себя исповедь чувствительного сердца и документальный очерк, портрет и пейзаж, раздумья философа, публициста и описание, жанровые сцены и новеллы — все то разнообразное содержание, которым жила частная переписка XVIII в.

Однако воздействие письма на литературу вызывает и более сложные, глубокие изменения: происходит перестройка самих форм общения писателя с читателем. Свойственный письму культ сентиментальной дружбы неизбежно ведет к замене господствующего в литературе классицизма «деспотического» монолога, где писатель неизменно выступал в роли учителя, наставника, а чи-

¹ См. об этом: *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. канд. дис. Л., 1972.

татель оставался только пассивным слушателем, диалогом собеседников. Этот диалог принесет в литературу особые, доверительные интонации, интимное «ты», особое слово — слово-обращение; ² создаст особый тип мышления, трансформировавший структуру «неэпистолярных» жанров. В сферу подобных преобразований вовлечена проза А. Н. Радищева, занятого напряженными поисками формы с «острым ощущением собеседника, адресата». ³ Направление этих экспериментов определено названием первого опубликованного произведения писателя — «Письмо к другу, жителю в Тобольске, по долгу звания своего».

Рассматривая «Письмо к другу» как частное письмо С. Янову, А. И. Старцев отмечает интересный парадокс. Современники Радищева, которым просто невозможно отказать в «чувстве» письма, соотносили это произведение скорее с публицистикой, где эпистолярная форма — чистая условность, дань традиции и, может быть, моде, ⁴ чем с собственно эпистолярной культурой своего времени. Противоречие тем более любопытное, что та самая всегда свойственная письму «домашняя семаптика» (Ю. Тынянов), к которой оказались глухи Екатерина II и Шенковский, ⁵ была «проявлена» почти двести лет спустя А. И. Старцевым, установившим адресата «Письма к другу». Разрешение «загадки» неизбежно связано с исследованием жанровой структуры «Письма к другу». При этом особую значимость приобретают не столько имеющиеся, сколько отсутствующие в нем «признаки действительно написанного частного письма»; ⁶ несомненно, что в сознании современников писателя, не воспринимавших радищевский текст как факт реальной переписки, работало прежде всего негативное начало: отступления от привычной формы, несовпадения с ней.

Канонический тип письма, сложившийся в русской эпистолярной культуре к концу XVIII в., — мозаика, где «пестрота разных тем, пластов материала и стиля», их «беспорядок» и «неожиданное столкновение» ⁷ мотивированы открытой непреднамеренностью, свободой, пезапрограммированностью разговора, «болтливостью небрежной, и ветреной, и нежной». Чистота видовых форм вообще не свойственна дружескому письму как жанру. Мозаичность,

² Термин, введенный М. М. Бахтиным для обозначения слова, вовлеченного в диалог, см.: *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 318.

³ Там же, с. 275.

⁴ О форме письма и причинах ее своеобразной универсальности в XVIII в. см.: *Steinhausen G.* Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes, Bd II. Berlin, 1891. S. 383—404.

⁵ «Сложись иначе, они постарались бы установить адресата письма, и он был бы, без сомнения, заподозрен в сообщничестве с Радищевым» (*Старцев А. И.* Друг Радищева. — В кн.: Старцев А. И. Университетские годы Радищева. М., 1956, с. 176).

⁶ Там же.

⁷ *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966, с. 76.

пестрота сплавливаемых материалов — конструктивные особенности жанра письма.

На этом фоне структура «Письма к другу» предстает как система, реализующая свое содержание в ипых и прямо противоположных категориях: некая несвобода, запрограммированность, «беседование» на определенную тему (примечательно, что с формулировки ее начинается текст⁸), повествование логически строгое и последовательное, а не дружеская *causerie* о многом, обо всем, узаконившая «болтовню», свободный переход от одной темы к другой, «перерывы» в развитии темы.

В контексте современной эпистолярной культуры «Письмо к другу» могло показаться архаичным, ассоциирующимся не с живой практикой, а с рекомендациями безнадежно отставших от нее писемников,⁹ и поэту «неузнаваемым», не воспринимаемым как письмо. «Неузнаванию» способствовало и еще одно чисто формальное обстоятельство. По некоторым внешним признакам: подчеркнутая ориентация на новости, немедленный отклик на события — радищевский текст невольно подключался к популярной в XVIII в. традиции письма-хроники, письма-газеты и попал в явно неблагоприятный для себя контекст, не проявлявший, а затемнявший его «сопряженность» с письмом (переписка Рейналя с герцогиней Саксен-Готской, письма мадам де Севинье, «*Correspondance litteraire, philosophique et critique*» Фридриха Мельхиора Гримма, где собственно информационный момент существовал в оправе той же светской *causerie*). С другой стороны, серьезность и важность тематики, документальная основа и публицистический пафос неизбежно сближали «Письмо к другу» с очерком. Таким образом, непроясненность жанровой структуры «Письма к другу» есть не что иное, как следствие стандартизации мышления XVIII в., подвластного некоему стереотипу формы и еще не способного уловить отклонения от него.

Сложность и новаторская сущность жанровой природы «Письма к другу» определяются тенденцией к взаимодействию и взаимопроникновению двух «противоборствующих» начал: документально-повествовательного, очеркового, и исповедально-субъективного, эпистолярного. Тот синтез, к созданию которого стремился Радищев, должен был одновременно возвести частное письмо к недостижимой для него тогда высокой гражданской, революционной тематике и превратить бесстрастный очерк в «излияние страждущей души».

⁸ «Вчера происходило здесь, с великолепием посвящение Мопумента Петру Первому в честь воздвигнутого; то-есть открытие его. Статуи, работы Г. Фальконета. Любезной друг побеседуем осем в отсуствии» (I, 147).

⁹ См., например: «От отца к сыну, находящемуся в отлучке, увещание к трудам и учению»; «Совет без требования едущему в чужие края»; «Обещает писать новизны»; «Каким образом должно наживать друга и как с ним жить, ежели он найдется»; «Что называется красота, и что называется приятность» и др. — Наставление, как сочинять и писать всякие письма... [М.], 1769.

«Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске...» — «частное письмо» С. Янову и одновременно «открытое письмо»;¹⁰ сокровенное «беседование с делившим некогда (<...> горесть и радовавшимся о <...> радости» (I, 147) и слово публициста, проповедь гражданина, революционера. Адресованное тому, с кем «юношеския провел дни свои» (I, 147), оно «вероятно, с самого начала предназначалось к опубликованию»,¹¹ и тем не менее, рассчитанное на многих (при полном и, на первый взгляд, странном умолчании о них), «Письмо» не мыслилось Радищевым вне его конкретного адресата — лейпцигского товарища Янова. Без него «Письмо» не могло состояться. Он был необходим как своего рода мотивация, психологически объясняющая и облегчающая диалог, криминальность которого отчетливо осознается в контексте панегирических откликов на открытие памятника Петру I.¹² Обстоятельства напечатания этого произведения и его судьба (экземпляр «Письма к другу» был приобщен к следственному делу Радищева) — доказательства тому.

Но уже в «Житии Ф. В. Ушакова» функция адресата усложняется. Теперь он необходим как незримый свидетель событий восемнадцатилетней давности, стоящий на страже истины: «Если иные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166),веряющий память и совесть автора.

В «Письме к другу» собеседник — явно единомышленник. В «Житии Ф. В. Ушакова» (оно посвящено А. М. Кутузову) между друзьями существуют разногласия, в которых они как будто боятся признаться сами.¹³ И не для того ли понадобились эти воспоминания в присутствии друга «дней юности», чтобы решить давний спор и у тени умершего «учителя <...> в твердости» испросить порицания или одобрения своей сегодняшней жизни? Остались ли они верны юношеским идеалам, дружбе, «блаженному сему союзу душ» (I, 155), помнят ли и сообразуют ли со своим «я» сейчас, сегодня, спустя восемнадцать лет, «пример мужества», поданный некогда Ф. Ушаковым? Радищеву явно хотелось получить положительный ответ: «... а ты если можешь днесь внимать гласу стениящаго, приинкини о возлюбленный к душе моей, ты в ней увидишь себя живаго» (I, 186).

Радищев отвергает безличностную, объективную форму повествования от третьего лица, хотя именно ее требовала традиция житийной литературы. Но он и не решается вести рассказ в от-

¹⁰ Старцев А. И. Университетские годы Радищева, с. 186.

¹¹ Там же.

¹² См. об этом: Татаринцев А. Г. «Письмо к другу» А. Н. Радищева. — Рус. лит., 1966, № 1, с. 116—125.

¹³ См.: «... не удивляйся, мой друг <...>, если найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в тогданнее время. Ибо забыть того не лзя, колико единомыслие между нами царствовало» (I, 160).

крытой, свободной форме *Ich-Erzählung* так, как говорит о себе в «Исповеди» Руссо. Радищев как будто боится остаться наедине с незнакомым читателем, «своими братьями», «неисчислимой толпой подобных» себе.¹⁴ «Я ищу в том собственного моего удовольствия»; «Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего», — спешит заявить Радищев, отгораживаясь от мнения равнодушной публики (I, 156, 178). Как будто не решаясь довериться всем, он ищет посредника между собою и людьми (в этом сущность избранного Радищевым приема) — и находит его: «... тебе, любезнейшему моему другу, хочу отверсти последняя излучины моего сердца» (I, 156). «Житие Ф. В. Ушакова» — страстный и сокровенный «разговор с отсутствующим». Но ведь именно эту скрытую диалогичность улавливает и выдвигает в качестве основного жанрового признака русская «учебная» литература XVIII в., которая вслед за античными¹⁵ и западноевропейскими теориями эпистолярного стиля¹⁶ определяет письмо как «разговор»,¹⁷ «разговор с отсутствующим»,¹⁸ «беседу отсутствующих»,¹⁹ как промежуточный вид между монологом и диалогом.

Постоянные обращения к другу торопят, будоражат, подчас взрывают внешне спокойное, эпическое повествование, окутывая воспоминания неповторимой теплотой, делая их интимными, как письмо («Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройной, несогласной и шумной у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься» — I, 164). Создавая «Житие Ф. В. Ушакова» (а люди, подобные вождю его юности (I, 185), требовали «не биографий, а житий»²⁰), Радищев писал его как письмо к другу. И хотя он не раз упрямо и с вызовом скажет, что это только его, Радищева, дело, что только другу расскажет он о восторге их, когда они «узрели между, Россию от Курляндии отделяющую», и только ему признается в том, чего не может простить себе и восемнадцать лет спустя: по слабости здоровья, нетвердости духа или по какой другой причине, но он не был «свидетелем последнего

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1961, с. 9, 10.

¹⁵ Античная эпистолография. Очерки. М., 1967, с. 7.

¹⁶ Der Brief «... ist eine freie Nachahmung des guten Gesprächs», — пишет Геллерт (см.: Gellert Chr. F. Praktische Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen. — Gellert Chr. F. Sämtliche Schriften, Bd IV. Berlin, 1772, S. 2.

¹⁷ Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. [М.], 1769, с. 2.

¹⁸ Подшивалов В. С. Сокращенный курс российского слога, изданный А. Скворцовым. М., 1796, с. 107.

¹⁹ Краткое руководство к российской словесности И. Борна. СПб., 1808, с. 105.

²⁰ Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. — В кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, с. 270.

вздымания <...> груди» умирающего Ушакова,²¹ — он писал не просто письмо другу, а повесть, «пропитанную мыслями о политике, о воспитании, о современной культуре, повесть психологическую и правоописательную»,²² и писал не для одного Кутузова.

Перегордки, как будто сознательно воздвигаемые писателем между собой, другом — и всяким иным, чрезвычайно зыбки. За этим барьером — не равнодушие и действительная отгороженность, а сомнение, боязнь оказаться непонятым, отражающие мучительный путь, которым пробивался Радищев к читателю. Отношения писателя и читателя в «Житии Ф. В. Ушакова» исполнены подлинного драматизма, и потому так не случайны постоянные колебания Радищева в оценках «его» — этого постороннего, способного вмешаться в диалог с другом, в самой манере обращения к «нему», названия «его». Первое упоминание о читателе в «Житии» неожиданно и полемически заострено: «Если инные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166). Чужой (примечательна категория множественности, усиливающая степень отчужденности) — «инные» — читатель воспринимается как своеобразная оппозиция все понимающему другу. Но уже следующая реплика сглаживает наметившиеся разногласия, звучит как свидетельство признания (пусть еще негласного, неоткрытого) права читателя на участие в диалоге двух лейпцигских друзей: «Первое, чем Бокум по приезде в Лейпциг начал правление свое, было сокращение издержек относительно нас, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что он отчислял от нашего содержания, то удвоил во своем» (I, 167). Тенденция к некоему сближению ощущается в самой форме обращения: «не воображай» — еще обобщенной и потому безликой, но уже не отчужденно враждебной. Наконец незримый собеседник назван: «Приятнее может быть будет читателю, приятнее тебе, мой любезной друг» (I, 171). Читатель и друг не просто объединены, уравниены в своих правах на исповедь автора, читателю как будто отдано явное предпочтение. Но установившееся взаимопонимание неустойчиво, за ним следует эмоциональный взрыв — результат предчувствия новых разногласий: «Если бы государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего казалось не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящих его сынов. Буде кто захочет на сие доказательства, то не дам никакого; но тебе только, мой

²¹ «О мой друг! в минуты благоденствия, когда разум ни чем не упрекает сердцу, мысль сия тягчит меня, и я мал становлюся перед собою» (I, 185).

²² *Гуковский Г. А.* Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 168.

друг» (I, 173). Имена друга и читателя разъединены, поставлены в их изначальные и непримиримо враждебные отношения. Самый характер этого «кто» («если кто безстрастный. . .»), его читательский вкус (Радищев пишет об «ищущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта»), его нравственное кредо и политическая позиция («если кто <...> скажет <...> что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества») предельно четко мотивируют природу конфликта. Но разрыв с «кто» не означает полного разрыва с читателем. Напротив, резкое размежевание с «иным» помогает писателю определить тот тип читателя, «сочувственника» и друга, к диалогу с которым так настойчиво стремился Радищев, — «те, коих души отверсты на любление юности» (I, 178).

И все же эпистолярная природа «Жития» еще в значительной мере связана только с его основным адресатом — другом юности. «Житие Ф. В. Ушакова» фиксирует лишь самый момент возникновения неудовлетворенности найденной формой и необходимости новых экспериментов. Они привели к созданию «Путешествия из Петербурга в Москву», путешествия, «сатирического воззвания к возмущению» (А. С. Пушкин), прозы ораторской, публицистической, — и, как это ни парадоксально, произведения, ставшего результатом самого глубокого, самого сознательного овладения структурой письма.

Внешние признаки письма, совершенно очевидные в «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова», здесь не только не проявлены, но и как будто намеренно стертые: в «Путешествии» нет ощущения одного постоянного адресата. Радищев то несет свою взволнованную речь другу — «сочувственнику» («О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною» — гл. «Клин», I, 374), то вступает в длительные словопрепления, почти всегда небрежно-иронические, с «любезным читателем» («Но любезный читатель ты уже зеваешь. Полно видно мне снимать силуэты» — гл. «Новгород», I, 265), то говорит с неким безличным «вы» («Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно» — гл. «Любани», I, 232). Эта произвольность обращений кажущаяся, самая система называния читателя вовсе не случайная, не стихийная: она регулируется проблематикой глав, типом рассказчика, спецификой сказа. И потому непосредственный адресат «Спасской Полести» — «властитель мира»,²³ «Крестьянцев» — «отец чадолюбивый», «истинный гражданин» (I, 282). Вот почему в «Хотилове» закономерно появляется имя «возлюбленных <...> сограждан», «истинных сынов отечества» (I, 313), а упоминание о читателе, «любезном читателе», неизбежно возни-

²³ «Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбешия с насмешкою, или нахмуриши чело, ведай, что виденная мною страница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257).

кает как сигнал полемики, иронического срыва или стилистического диссонанса.²⁴ Но за видимой пестротой определений скрывается важный процесс — движение от конкретного адресата (Янов, Кутузов) к адресату — человечеству.

В «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова» исповедь и проповедь имеют вполне определенный адрес, не случайно имя друга возникает здесь в самые напряженные моменты: «Да не унижуся в мысли твоей любезной друг превознося хвалами столь властного Самодержавца» (I, 150); «Оснадцать лет уже совершилося, как мы лишилися Федора Васильевича, но мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что чувствовал тогда» (I, 184), и др.

Эта опосредованная форма связи (через друга — к читателю) была совершенно необходима, была нужна как этап. Через нее (преодолевая ее и отталкиваясь от нее) Радищев пришел к тому открытому и свободному диалогу с согражданами, каким явилось его «Путешествие». Но теперь он создает диалог принципиально нового свойства. В «Путешествии» происходит утрата связанной с повествователем своеобразной монополии ведения диалога, вне которой нет письма как жанра, а самый голос повествователя перестает быть единственным («Письмо к другу, жительствующему в Тобольске») или почти единственным («Житие Ф. В. Ушакова»). Неизмеримо усложняется функция героя «Путешествия». Он не только «говорит с отсутствующим»,²⁵ но и «слушает» его; он адресат («Зайцово»),²⁶ невольный читатель чужих бумаг,²⁷ участник «бесед <...> откровенных» (I, 269). Наконец, Радищев населил свою книгу множеством героев («приятель мой Ч...» — «Чудово», «человек закутанной в большую япанчу» — «Спасская Полесь», Крестьянкин — «Зайцово», крестецкий дворянин — «Крестьяцы»), заставив их рассказывать Путешественнику «повести» своей жизни, раскрывать «терзания души» и, «обращая <...> свое слово» (I, 245) к другому, страстно убеждать, воздействовать, проповедовать. Он превратил «Путешествие» в бесконечные потоки монологов. Вливаясь в исповедь Путешественника и объединяясь, они создают единое целое — исповедь и проповедь, адресованные человечеству.

Отказавшись от прямого использования эпистолярной формы, Радищев сохранил ее сущность — могучую силу слова-обращения.

²⁴ «Я поднял унадашее, и неотдал ему. Необличи, меня любезной читатель, в моем воровстве <...> Признаюсь, я на руку печист; где что немного похожее на разсудительное увижу, то тот час стяну; смотри, ты неклады мыслей плохо» (I, 259).

²⁵ «Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет» (I, 227).

²⁶ «Да вот к тебе письмо... Читай на досуге <...> Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными, и сдержал слово» (I, 280).

²⁷ См. главы «Подберезье», «Выдропуск», «Медное» и др.

«Он выступаст как человек перед людьми — ничего больше <...> Радищев хотел быть страшно откровенен с читателем.<...> надеялся на то, что откровенность, т. е. сила личного убеждения, сила душевного напряжения, вылившегося в слове, найдет пути к чужим душам»,²⁸ ко всем.

Посвятив «Путешествие» А. М. Кутузову, Радищев сразу же заявил о своих разногласиях с ним, и довольно резко: «...мнения мои о многих вещах различествуют с твоими» (I, 227). Постоянное ощущение оппонента, его скептически-недоверчивого взгляда, тревожное ожидание возражений, полемика скрытая и явная рождали напряженную ответственность за каждое слово: оно произносилось в расчете на присутствие инакомыслящего. Самое обращение к А. М. Кутузову — «любезнейшему другу» — не единственное и даже не определяющее, а лишь одно из многих и довольно редкое в книге Радищева. Однако, почти исчезнув из диалога с Кутузовым, это высокое и священное для писателя понятие — «друг» — не ушло из «Путешествия» вовсе. Будучи синонимом понятия «политический единомышленник», оно оказалось связанным с другими героями. Парадоксально, но в пути, на почтовом тракте Петербург—Москва, герой Радищева неожиданно сталкивается с людьми, уже ему известными, гораздо чаще, чем с незнакомцами. Поразительна настойчивость, с которой писатель повторяет мотив «случайной встречи» Путешественника с «давнишними приятелями», «искренними друзьями»²⁹ — или с их мыслью, словом.³⁰ Эта «случайность» нарочита. Но именно она обнаруживает, что в «Путешествии», как и в «Письме к другу», дружба является необходимой предпосылкой, главным условием диалога на общественно-политические темы. Вне этой столь свойственной письму атмосферы интимного признания нет революционной проповеди писателя.

И когда в «бесчувственных стенах» Петропавловской крепости, ожидая смертной казни, мучимый страхом, что его не поймут («лишенный утешения загладить мой против их (детей, — Р. Л.) проступок»), прежде чем уйти из жизни, он предпримет попытку рассказать о себе правду, его «томящееся воображение» выведет «горящим перстом» «на сердце» его детей и всех честных людей «последнее <...> к ним слово» (II, 341) опять-таки в форме письма — незаконченную повесть [«Положив непреоборимую преграду...»]. Поистине его литература была его письмами.

Найденная Радищевым форма, отражающая характер мышления писателя, оказывается для него универсальной: в той же манере письма создаются политико-экономический ([«Письмо о Китайском торге»]) и философский («О человеке, о его смертности и бессмертии») трактаты, серьезная экономическая работа

²⁸ Гужовский Г. А. Радищев как писатель, с. 164—165.

²⁹ См. главы «Чудово», «Зайцово».

³⁰ См. главы «Хотиллов», «Выдропуск», «Медное».

(«Описание моего владения»). Обращение к подобной форме диктовалось разными причинами, точно так же, как по-разному сказывалось в этих произведениях ощущение адресата, или «учет отсутствующего собеседника», по терминологии М. Бахтина.

[«Письмо о Китайском торге»] с самого начала мыслилось Радищевым как письмо к А. Р. Воронцову.³¹ О китайской торговле Радищев не имел определенного мнения («Противовеса все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском <...> не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону» — II, 35), знал он и то, что позиция его корреспондента четкая, ясная (см. письмо от 17 февраля 1792 г.: «Илимск не оживится от торга с китайцами, как ваше сиятельство склонны были полагать» — III, 430). Избранная им форма всего более отвечала характеру «мимоходящих <...> рассуждений», а не «достоверных следствий верных посылок» (II, 35), ибо она позволяла взвесить все «за» и «против», ввести собеседника в свои сомнения, заставить его следить за движением своей мысли («Обратимся теперь к китайским товарам» — II, 30), сделать его участником спокойного, деликатного разговора («Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, по за догадки» — II, 18).

Страстные, взволнованные обращения к «друзьям», «возлюбленным», с кем «нечаянное <...> преселение в страну отдаленную» разлучило (II, 39), вторгаются и в философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», являясь «функцией определенного художественного замысла: Радищев построил свою книгу не как сухую академическую диссертацию, а как живую речь, беседу с читателем».³² Истоки этой манеры Г. А. Гуковский справедливо связывает и с традицией «философских писем», и с осуществлением давнего «намерения поучать своих детей на расстоянии» (см. письмо А. Р. Воронцову от 8 марта 1791 г.).

³¹ Вызывает недоумение комментарий Н. А. Финкельштейн: «...форма письма придапа этому трактату условно» (II, 360). Но ведь сам Радищев свидетельствует: «Я все более и более укрепляюсь во мнении, что кяхтинский торг поднимает цену на некоторые товары только случайно, и это могло бы также явиться подтверждением моего суждения, противного общепринятому, которое я высказал в одном из писем к вашему сиятельству <...> (см. письмо А. Р. Воронцову от 17 февраля 1792 г., — *Р. Л.*). Я обещал прислать пояснение, и вот уже более полугодом, как письмо мною написано; но, поскольку оно значительно превосходит размеры обычного письма, я полагаю, что по должен затруднять ваше внимание кучей подробностей <...> Тем не менее, желая выполнить свое обязательство, пусть с опозданием <...> я прилагаю к сему краткое содержание моего длинного и скучного письма» (III, 471—472 — письмо А. Р. Воронцову, конец 1794 г.). Это признание Радищева позволяет выразить некоторые сомнения в существующей датировке [«Письма о Китайском торге»]. Действительно ли оно было написано в 1792 г.? Ведь говорит же сам Радищев: «...и вот уже более полугодом, как письмо мною написано». Не правильнее ли отнести дату создания трактата к 1794 г., поверив самому автору?

³² См. комментарий Г. А. Гуковского к трактату в кн.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II, с. 375.

В «Описании моего владения» введение корреспондента, «очевидно, предполагаемого»,³³ и редкие обращения к нему — в значительной мере формальный прием, призванный объяснить бесконечные, иногда мелочные подробности рассказа («Для другого я бы здесь окончил мое описание, но я знаю, ты сказанным удовлетворен не будешь; тебе нужны всякие подробности» — II, 172) и оживить повествование; прием, осуществляемый непоследовательно: в 1-й и во 2-й главах Радищев фактически забывает о своем собеседнике.

Но была и одна общая причина — неистребимая потребность человека, заброшенного в «безлюдные пространства», за 6000 верст, так далеко, что, «прежде чем голос его может быть услышан, его останки станут добычей червей» (III, 401),³⁴ обрести собеседника и слушателя, у которого Радищев искал «санкции, подтверждения <...> правоте»,³⁵ в общении с которым он надеялся восстановить прерванные связи с миром.

«Сопряженность» с письмом, его «качество» несут в себе все сложные жанровые образования, созданные писателем. Эпистолярность — отличительная особенность стиля Радищева, устойчивая и постоянная, — продиктована необходимостью контактов с читателем, уже ставшим собеседником, но еще не сделавшимся единомышленником.

³³ Любомиров П. Г. «Описание моего владения». — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 196.

³⁴ Из письма А. Р. Воронцову от 14 ноября 1791 г.

³⁵ Мандельштам О. О собеседнике. — В кн.: Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928, с. 21.